

Амир Макоев. Возвращенное небо (отрывок)

И – снова мысли о сыне. Как ни уклоняйся, они будут возникать вновь и вновь. Как это произошло, он и сейчас не смог бы отчетливо объяснить. Погорячился он, это верно. Возможно, виноват. Но ведь сколько раз говорил ему, что не потерпит от него, единственного сына, всякой там безалаберности в учебе, да и во всем житейском поведении – надо помнить, чей ты сын, и вести себя подобающе. В их роду на обозримом временном пространстве не было людей легкомысленных, все в порядке: честные и трудовые люди. Видать, с жениной стороны примешалась подпорченная кровь, трави ее – теперь не вытравишь. Ну, не желаешь ты возиться, как отец, со скотиной, палки даже во дворе не поднимешь, пользы от тебя никакой, – так учись хотя бы прилежно, сдавай, что полагается, к сроку в своем университете и приобретай профессию для достойной жизни. Так нет же: интерес к иностранным автомобилям, страсть к безвкусовой музыке, увеселения всякие – вот его жизнь, хотя парень смысленный и мог бы многого добиться. А друзья какие? Что здесь, в селе, что там, в городе, – одни бездельники. Все только и ждут подачек от родителей, сами же не хотят сделать хоть что-нибудь полезное старшим и не стремятся ни к чему путному.

Сын его, конечно, не совсем такой. Но себе, что называется, на уме. Да, запускает учебу, по ходу семестра отстает, но почти все экзамены в итоге сдает отлично. Говорит, я умный, схватываю все на лету, мне скучно идти наравне со всеми. Отсюда пропуски и жалобы преподавателей, грозящие ему отчислением. Ему, видите ли, скучно. Наглость какая. Ни один преподаватель не смирится с тем, что его занятия игнорирует какой-то юнец. Да и кто у нас любит умных? Нет никакой дисциплины у сына, и почтения к старшим тоже никакого. А отца родного держит за древнего ящера, ничего не понимающего в современной жизни. Да, именно так и высказался он как-то, но отец этого юмора понимать не хотел. Сколько раз Лиуан пытался померить заносчивость сына, и сколько ссор по этому поводу возникало в семье. В его доме будет тот порядок, который установил он, глава семейства. Видано ли такое: сын критикует отца да еще потешается над ним. Нашел ровню. Вот и высказался насчет всего этого, да высказался так, что указал в горячке на дверь родному сыну. «Пока я жив, – кричал он, – можешь не заходить сюда!..» А тот взял и, словно ждал этого, спокойно ушел. Но ничего, вернется, не далее, как через три дня прибежит, говорил Лиуан поднявшей панику его матери, с пустыми карманами далеко не уйдешь. А зарабатывать сам – ох, как не скоро он еще сможет.

Но сына не было уже второй месяц...

Только вернувшись во двор, Лиуан заметил, что в пристройке для гостей светится окно. Почему там горит свет? Может, заходила жена по делу и забыла выключить? Столь незначительное упущение, что в другой раз осталось бы незамеченным, сейчас его насторожило. Он медленно, с нарастающей тревогой поднялся по четырем ступенькам низкого крыльца, бесшумно прошел сени и открыл дверь комнаты, в которой горел свет. На кровати, укрытый простыней, неподвижно сидел сын.

– Мурат... сынок, – произнес он. В его интонации не было ни вопроса, ни удивления, он как бы с прикрытой радостью утверждал: вот, мол, ты предо мной сидишь, и ты есть сын мой. Он хотел еще прибавить: «Хорошо, что вернулся. У нас с тобой много дел, не

правда ли? Все это твое, я работаю ради тебя одного, моего единственного сына, знай это, мне же ничего не нужно», – но почему-то не решился.

Сын молчал. Воспаленные его глаза отдавали жаром. Он смотрел отцу прямо в глаза, испытующе, со страхом и вызовом одновременно. Лиуан не выдержал этого откровенного взгляда – нельзя так смотреть на старших – и отвернулся, осмотрел комнату без надобности, выключил свет и опустился на ближний стул.

– Что случилось, сынок? – спросил он. «А ведь что-то случилось, – решил сразу. Он смотрел на его худые плечи. – Тут он не в меня, – подумал, – я-то в его годы был крепышом, каких мало, вот что значит, поздний ребенок. – Вгляделся в родинку на правой ключице, в точности как у него. – Кровинушка моя, – произнес про себя, – как много любви я тебе не додал. – Он хотел подсесть к сыну, обнять его, но это так не шло к прежним их отношениям, что от мысли этой он отказался, да и взгляд сына, неотступно стремящийся глубоко заглянуть ему в глаза, не позволял этого сделать. Что-то пугающее сейчас было в этой неуместной его смелости перед отцом. – Так, – подумал отец, – может смотреть человек, которому все равно, что с ним случится в следующую минуту».

Сын отвернулся, невидящие его глаза устремились куда-то далеко вверх деревьев, и стало видно, как идущий в окно утренний свет тускло отражается в проступившей на его глазах влаге.

– Папа, я погиб, – сказал он. Лицо его исказило горькое выражение, с которым, однако, он не без труда совладал.

– Что ты, сынок, такое говоришь? Пока я жив... – Лиуан вспомнил свои же слова месяц назад и прервал фразу. – Ничего не бойся, сынок. Все преодолеем. – Теперь ему стало ясно, какие тучи сгустились над головой петуха и кто стал причиной его гибели. Ну, это не страшно, подумал он, мальчишеские шалости, за что-то его проучили приятели. Наверное, из-за девчонки. От этой мысли ему стало легче.

– Это только слова. А мне очень плохо, папа. Я заблудился в этой жизни.

– Ну что ты, сынок? Какие громкие слова. Какая такая жизнь в восемнадцать лет? В таком возрасте нельзя ни потеряться, ни заблудиться. А надо только до поры слушаться старших. Нас, кто знает жизнь. Поступать так, как мы велим. И ничего плохого с тобой не произойдет. Я ведь тоже был таким, как ты. Такой же характер... непослушный. Я ведь тоже бывал отцу своему в тягость по причине всяких разногласий. Да, да. Не понимал я его, а он меня. Но со временем все наладилось.

– В моем случае ничего не наладится... Само собой не наладится. Нужны деньги, папа... И много.

Лиуан встал и подошел к окну: за ним уже рассеялся туман, в саду вовсю шумели птицы, обещался ясный теплый день. Хорошенькие дела, подумал он. Но сын вернулся, и это уже успокаивает. Он ведь тогда рассчитывал, что возвратится через два-три дня, но просчитался. Где его носило все это время, как жил, на что? У своей сестры в городе он не появлялся, если ей верить. В общежитии не показывался, но на занятия ходил добросовестно – он узнавал. Хотя, надо думать, и мать и сестра с ним как-то общались, но Лиуана держали в неведении: или из боязни, или из желания заставить его пожалеть о своих словах, – негодницы. Напомнили, как он уже раз выгонял сына, тогда еще

ребенка, из-за пропавшей коровы. Но какие неприятности он успел нажить за столь короткий период?

Лиуан оставался у окна, спиной к сыну, так, подумал он, ему легче будет рассказать о своих злоключениях. Опытный ум теперь связал воедино и убийство петуха, и вчерашних посетителей по поводу бычков, и сына, и себя. И отчетливо увидел: след последних событий тянется из того вечера, когда он выставил сына из дома.